

ТРИ года тому назад «Кинопанорама» предложила телезрителям «заветы переписки». С этого времени наша связь стала двусторонней.

Каждый день в редакцию «Кинопанорамы» приходит множество писем по различным вопросам киноискусства, приходят просьбы рассказать о том или ином явлении в мире кино, о новом фильме, о старой, забытой ленте...

Однако все это не стало бы двусторонней связью, если бы не письма, в которых с нами спорят или поддерживают нас, и не только спрашивают, но и требуют ответа, а то и действий.

И мы отвечаем и тоже соглашаемся или спорим.

Вот наступил вечер, я беру в руки большущий пакет, присланный из редакции. Это малая толика того, что пришло.

Читаю письма — и, кажется, слышу живые голоса и даже вижу этих людей. Чувство такое, будто в ответ на посланную нами в эфир волну вернулась другая — волна чувств и мыслей тех, к кому мы, телевидение, обратились.

Но почему нам пишут не только о кинематографии, а по самым различным вопросам? Думаю, потому, что кинофильмы затрагивают широчайший круг тем, в сущности — всю жизнь во всех ее проявлениях, со всеми ее проблемами. Отсюда возникает разговор по теме, задетой фильмом, а дальше — о собственных делах, о своей личной жизни. И задаются вопросы... Иной раз такие, что хочется сказать: братцы, а нельзя ли вопросик полегче?

Вот приходит письмо, на которое даже не просят отвечать, а прочтешь его — и много дней не можешь избавиться от тревоги, от ощущения соучастия в чужой беде... Так описала свою жизнь К. Яковлева — женщина, потерявшая в войну всех близких, до сего дня живущая с незаживающей раной в сердце. Она так правдиво, так пронзительно написала о своем горе... Чем поможешь, как утешить...

Или девочка, школьница, у которой трудно сложилась жизнь: «В кинофильмах, — пишет она, — так легко находится выход из всякого положения, а что делать мне, как жить?..»

Приходят серьезные письма о выборе жизненного пути, а то вдруг и что-нибудь совсем неожиданное, анекдотическое, вроде просьбы посоветовать, выходить ли замуж: вот его карточка, вот что он мне говорит, и как вы думаете...

А один молодой человек написал, что Таня, которую он любит, бросила его и уехала в Москву. «Пожалуйста, вызовите ее — вот ее адрес — и поговорите. Она вас послушает — она всегда смотрела «Кинопанораму», — скажите ей — пусть вернется».

Вот какие бывают просьбы! Мы все же остаемся кинопанорамой, наша сфера — кино. Мы не можем, не должны заниматься другими вопросами. Поэтому нам особенно дороги «кинематографические» письма.

А каждая новая «Кинопанорама» вызывает такой поток писем. Но для ответов по телевидению из них, конечно, выбираются такие, что ставят вопросы, могущие заинтересовать многих.

В ОТ письмо педагога Г. Федосеевой, в котором был поднят, казалось бы, частный вопрос истории русского дореволюционного кино. Однако за частным вопросом стояла не только историко-кинематографическая, но и важная этическая проблема.

Г. Федосеева писала о том, что в Ленинградском театре музыкальной комедии, в спектакле «На рассвете» героиня, именуемая «королевой экрана Верой Холодной», стремится покинуть Родину, презрительно, со страхом и ненавистью отзываясь о революции, ради получения заграничной визы флиртует с оккупантом — французским консулом, с белогвардейским генералом, с комендантом Одессы Гришиным-Алмазовым, общается с главарем одесских бандитов Мишкой Япончиком и т. д.

За два года до получения этого письма «Кинопанорама» уже выступала против грубого и совершенно обоснованного искажения образа Веры Холодной. Участвовавшая в передаче В. Ханжонкова — старший кинематографист, человек, близко знавший артистку, — рассказывала, какой скромной, трудолюбивой, глубоко порядочной была Вера Холодная, никогда не собиравшаяся покидать Родину, отвергавшая все приглашения иностранных кинофирм.

Незадолго до смерти Вера Холодная в беседе с корреспондентом «Киногазеты» (№ 22 за 1918 г.) сказала: «...если нам предлагали громадные деньги заграничные фирмы — значит, нас там ценят высоко. Но теперь расстаться с Россией, пусть измученной и истерзанной, больно и преступно, и я этого не сделаю!»

После письма Г. Федосеевой я посмотрел «На рассвете» в двух театрах — одесском и ленинградском. В талантливо поставленном одесском спектакле мрав-

нению с пьесой «обелить» героиню. Зато в ленинградском театре все осталось неприкосновенным.

Ввиду такого разночтения пришлось прибегнуть к подлиннику — к пьесе Г. Плоткина «На рассвете». Вот выдержка из текста, полученного в Центральной театральной библиотеке:

(Сцена у Веры Холодной, слуга объявляет о приходе французского консула.)
«Вера (радостно): Просите!
...Входит мсье Энно.

...Вера: Мсье консул? Чем я обязана такой чести?

Консул: Я получил ваше прошение о визе. Вы хотите покинуть Россию в минуту ее тяжких испытаний?

Вера: Что мне до них. Россия мне чужая, и я ей не нужна.

Консул: Да, да... Разве здесь могут оценить вашу душу, ваш талант?

Вера: Я подала все документы. Нужно что-нибудь еще дополнительно?

Консул: Вот именно... дополнительное внимание.

Вера: Ваш приход меня взволновал.

Консул: Волновать дам для меня наивысшее удовольствие... (становится перед Верой на колени).

Вера: Что вы, господин консул?

Алексей
КАПЛЕР

АДРЕС:

«КИНО

ПАНО-

РАМА»

Консул: О, боже. Почему-то все, даже собственная жена, трактуют меня только как консула и не желают трактовать как мужчину.

Вера: Я вам сочувствую.

Консул: Сочувствовать надо со всеми вытекающими последствиями. Бу компрене, ма шер?

А вот еще одна сцена — диалог Веры Холодной с французской революционеркой Жанной Ляурб:

«Жанна: Как жаль, что запрещен концерт для французских моряков. Они, безусловно, оценили бы ваш наряд.

Вера: Я не выступаю в подобных концертах.

Жанна: Но если это необходимо для революции?

Вера: Разрушила все: искусство, личное счастье, большие мечты...

Жанна: Революция открывает путь к большой мечте и к счастью.

Вера: Я уезжаю в Париж, подальше от этого счастья, от этой революции.

Посмотрев в Ленинграде спектакль, прочтя приведенные выше строчки, мы решили еще раз вернуться в «Кинопанораме» к теме Веры Холодной и посвятили ей страницу передач. Было рассказано о грубейшем искажении образа актрисы, прочтено ее высказывание в «Киногазете», показан снятый на пленку танец опереточной Веры Холодной с Мишкой Япончиком.

Мы прочли зрителям текст куплетов, которые Япончик поет по поводу ее намерения бежать в Париж.

Нужна вам очень эта Эйфелева ступка! Ведь это просто, понимаете, психоз.

Когда в Одессе есть приличная толкучка, и совершенно потрясающий Привоз! И заживете вы у меня как Чижик-Пыжик.

Всегда купюрами солидными шурша. — На Молдаванке я устрою вам Парижик.

Вы просто пальчики оближете.

Вы пальчики оближете. Вы пальчики оближете. — и — ша!

Вольное (мягко выражаясь) обращение с фактами биографии знаменитой актрисы вызвало поток негодующих писем. Пришло письмо от И. Южного-Горенюка, бывшего в период французской интервенции членом подпольного одесского ревкома. «Раз вы уж начали, — пишет он, — то вам придется вернуться к теме Веры Холодной, так как совесть человеческая требует, чтобы ей было возвращено ее незапятнанное имя, чтобы образ ее был очищен от грязи».

Но вот, среди сотен писем, отклик автора пьесы «На рассвете» Г. Плоткина:

«Когда я писал пьесу, мне не было известно о том, что Вера Холодная в свое время недвусмысленно высказалась в «Киногазете», заявив о своем отказе принять приглашение заграничной фирмы».

Как же можно писать о реальном человеке, не зная о такой «мелочи», как его отношение к Родине и революции?

И, наконец, фраза, из которой следует, что Г. Плоткин глубоко заблуждается, переодически правде:

«Вряд ли подлежит сомнению право авторов называть своих героев так, как они считают нужным».

Значит, если какой-нибудь автор «вывел» в своем сочинении убийцу, негодяя под именем кинодраматурга Каплера Алексея Яковлевича, то мне и возражать нельзя? А если бы с Вами проделали такую штуку?

Назовите свою вымышленную даму вымышленным именем, и тогда пусть ведет себя как угодно. Но имя Веры Холодной принадлежит истории нашего кино, и мы обязаны охранять его от «фантазий на тему».

Пришли и письма, в которых отмечалось, что в ряде работ по истории кино безапелляционно высказывалось суждение, будто В. Холодная была лишь «посредственной кинематографической». Ее фантастический успех объясняется тем, что она была «красивой».

Но вот один режиссер, как говорят, немного разбравшийся в искусстве, после выхода фильма «Живой труп», где В. Холодная с большой драматической силой сыграла Машу, пригла-

сил эту «посредственную кинематографическую» в свой театр и предложил сыграть Катерину в «Грозе».

Фамилия этого режиссера — Станиславский, а театр — Московский Художественный.

Другие авторы видят секрет славы Холодной в том, что характеры и переживания ее героинь отвечали вкусам обывательской публики.

Но почему десятки других актрис, игравших такие же роли, остались неизвестными и ни одна из них не имела тысячной доли успеха «королевы экрана»?

Я считаю, что Вера Холодная была талантлива, по-настоящему талантлива, хотя ее дарование только-только начало проявляться. Но что неизмеримо важнее — это то, что Вера Холодная была личностью, и личностью бесконечно обаятельной.

Я несколько раз внимательно пересматривал немногие сохранившиеся фильмы Веры Холодной. Конечно, эти фильмы ныне производят странное впечатление: слишком уж резко изменилась технология актерского творчества и еще более изменилось наше зрительское восприятие. То, что вызывало когда-то слезы, может сегодня показаться смешным. Но слезы были. Люди плакали, сочувствуя не столько судьбе героини фильма, сколько страданиям своей любимицы.

Ранняя смерть Веры Холодной — ей было всего 27 лет — потрясла и зрителей, и кинематографический мир.

Не случись этого злосчастного гриппа, талант Веры Холодной, я уверен, проявился бы неизмеримо сильнее в новых условиях, в новой тематике, с новой режиссурой.

Кстати, давно пора разрушить и нелепую легенду о «таинственной» смерти актрисы. Одесские сплетницы, которым прозаическая смерть «королевы экрана» от простоты испанки, как тогда назывался грипп, показала недостаточным материалом для чесания языков, пустили гонимый, грязный шепоток о каких-то «загадочных обстоятельствах» ее смерти.

Эти нелепые выдумки стали проникать и в самые солидные издания... Даже в I том «Истории советского кино» (1969 год) мы читаем: «Спустя два года при загадочных обстоятельствах (???) умирает в Одессе некогда открытая Е. Вауэром самая яркая «звезда» дореволюционного русского кино...»

В «Кинематографии дореволюционной России» читаем: «Слава Веры Холодной... по меркла только после ее загадочной (???) смерти в Одессе...»

Позвольте, товарищи, как же так можно! Обстоятельства смерти Веры Холодной широко известны, и ровно ничего загадочного в них не было.

Давайте же покончим раз и навсегда с обывательскими слухами и будем относиться с уважением к памяти русской «королевы экрана».

В ОТ то, что связано с историей одного письма нашей телезрительницы. Не каждое, конечно, вызывает такую острую полемику.

Я снова вскрываю конверты и снова слышу голоса наших друзей-единомышленников и друзей-оппонентов.

Двусторонняя связь «Кинопанорамы» продолжается.